

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.3.164

ХРИСТИАНСКИЙ И АНТИХРИСТИАНСКИЙ РЕНЕССАНС НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА¹

О.И. Кусенко

ФГБУН Институт философии РАН, г. Москва
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского,
г. Санкт-Петербург

Н.А. Бердяев опровергает мнение о том, что вся ренессансная эпоха окрашена в единый цвет, и предлагает смотреть на итальянский ренессанс как на сложное явление, разделяя его на несколько периодов. Кроме этого, ренессансный период истории, по Бердяеву, выходит далеко за пределы Ренессанса в точном смысле слова. «Конец Ренессанса» наступает для философа в начале XX в., когда христианский гуманизм окончательно переходит в свою предельную антихристианскую противоположность, черты человеческого лика размываются, сам человек, личность теряется в коллективе и среди машин. Ренессансная концепция Бердяева, над которой он работал целое десятилетие (с 1912 по 1922 г.), последовательно раскрывается в трех работах: «Смысл творчества», «Конец ренессанса» и «Смысл истории». Фокус настоящей статьи будет направлен на анализ представлений Бердяева о ренессансном гуманизме в вышеуказанных текстах.

Ключевые слова: Н.А. Бердяев, итальянский Ренессанс, ренессансный гуманизм, ренессансные исследования, философия истории.

В сложные годы первой четверти XX в. русские интеллектуалы, чувствуя глубокий кризис традиционной культуры, пытались понять, каким образом западноевропейская цивилизация вступила на губительный путь войн и революций. Это привело к особенному интересу к истории Средневековья и Ренессанса. Николай Александрович Бердяев, создавая свою философию истории, обращается к этим эпохам, пытаясь понять судьбу человека в новой истории.

Оттенки Ренессанса

Ренессансная Италия, которую Бердяев «пережил сильно и остро» [2, с. 474] в ходе своего путешествия 1911–1912 гг., вдохновила его на создание ярчайшей апологии эпохи итальянского Возрождения. Внимание к итальянскому Ренессансу связано у Бердяева в первую очередь с его

© Кусенко О.И., 2025

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00748, <https://rscf.ru/project/24-28-00748/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

чаянием наступления новой творческой эпохи, эпохи Духа, с попыткой проникновения в тайну антропологического откровения. Однако уже в работе «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» (1916) он создает отнюдь не идеалистическую картину периода, в котором безграничные возможности человека как творца были направлены исключительно на созидание и духовное преображение. Чем глубже вглядывается философ в изучаемое явление, тем яснее он видит его различные оттенки, его противоречия.

По мере погружения Бердяева в религиозную философию истории и, в частности, в судьбу эпохи итальянского Ренессанса на окружавшей его исторической сцене происходили все более и более драматические события, увеличивался кризис европейской культуры, что давало философу повод для углубления его понимания Ренессанса и ренессансного гуманизма. Первая мировая война, русская революция 1917 г., гражданская война – Бердяев, как мыслитель, чуткий к историософской проблематике, особенно остро переживал эти события.

В пореволюционные годы Бердяев остается в России, наблюдая крушение старых форм жизни и торжество новых советских форм, от которых веет духом ренессансного гуманизма, вернее, оборотной антигуманистической стороной этого гуманизма, обратившегося против человека. Он активно занимается преподавательской и публицистической деятельностью, в том числе, будучи поклонником Италии, он и в это непростое время поддерживает начинания, связанные с укреплением русско-итальянских культурных связей. Бердяев становится членом общества «Studio Italiano», организованного литератором Одоардо Кампа при «Книжной лавке писателей», основанной П.П. Муратовым и М.А. Осоргиным. Помимо последних и Бердяева, в кружок входили также такие признанные знатоки итальянской культуры, как А.К. Дживелегов, Б.К. Зайцев, Ю.К. Балтрушайтис и другие еще не покинувшие Россию авторы.

У Бердяева зреет план книги по истории философии, который был положен в основание курса лекций, читанных им в Вольной Академии Духовной Культуры в течение зимы 1919–1920 гг. Философ хочет понять, как ренессансный гуманизм, ставший «закваской новой истории» [3, с. 108], сейчас проявляет себя. Бердяев считает, что «понять новый гуманистический дух – значит понять самое существо новой истории, значит понять всю судьбу человека в новой истории, понять неотвратимость тех испытаний, которые человек переживает в новой истории, до нашего времени, осмыслить и объяснить эти испытания» [3, с. 108].

Записи читанных Бердяевым лекций легли в основание книги «Смысл истории», опубликованной уже в эмиграции, в Берлине в 1923 г. Годом ранее в Санкт-Петербурге в издательстве с говорящим названием «Эпоха» была опубликована работа «Конец Ренессанса» (датирована

1919 г.)². Данный текст тоже являлся частью бердяевских лекций, читанных в Академии, в переработанном и дополненном виде он затем вошел в книгу «Смысл истории». Бердяев посвящает «Конец Ренессанса» гуманистической диалектике, анализу оборотной стороны ренессансного христианского гуманизма, которая с особой остротой проявила себя в современной Бердяеву исторической действительности. Бердяев задается вопросом: «Как осмыслить тот кризис европейской культуры, который давно уже начался на разных концах и который ныне достигает своего предельного внешнего выражения?» [1, с. 22]. И историософским ответом для него является интуиция о том, что это осмысляемое им время – пограничное время, время конца Ренессанса. Последствия Ренессанса тянулись все эти долгие века с XV по начало XX столетия, «вся новая история есть ренессансный период истории» [3, с. 102]. И именно советская Россия, по сути, венчает этот конец Ренессанса. «Мы (русские люди. – *О.К.*) переживаем в самой крайней форме конец Ренессанса, не пережив самого Ренессанса» [1, с. 45], считает Бердяев.

В работе «Кризис Ренессанса» Бердяев обращается именно к последствиям Ренессанса, говоря о самой эпохе раннего и позднего итальянского Возрождения лишь вскользь. Основная его интуиция состоит в том, что Ренессанс является эпохой испытания человеческой свободы, человек отпущен на свободу после средневекового внутреннего духовного сосредоточения, аскезы, и он постепенно растрчивает себя, его силы уमाляются и совсем истощаются к началу XX в. Бердяев пишет: «В Ренессансе были отпущены на свободу человеческие силы и шипучая игра их творила новую культуру, создавала новую историю. Вся культура той мировой эпохи, которая в учебниках именуется новой историей, была испытанием человеческой свободы. Новый человек сам захотел творить и устраивать жизнь без высшей помощи, без божественной санкции. Человек оторвался от религиозного центра, которому подчинена была вся его жизнь в средние века; он захотел идти самочинным, вольным путем... Когда человек оторвался от духовного центра жизни, он оторвался от глубины и перешел на периферию. Удаление от духовного центра делало человека все более и более поверхностным. Утерев духовный центр бытия, человек утерел и свой собственный духовный центр... Возвеличивший человека гуманизм лишал его богоподобия и поработил природной необходимости. Ренессанс, основанный на гуманизме, раскрыл творческие силы человека как существа природного, а не духовного. Но природный человек, оторванный от духовного человека, не имеет бесконечного источника творческих сил, он должен исчерпаться и изойти на поверхность жизни. Это и сказалось в последних плодах новой

² Кооперативное издательство «Эпоха» было основано в 1921 г. в Петрограде писателями Е.И. Замятиным и К.И. Чуковским. В 1922-м г. было создано берлинское отделение «Эпохи» под началом видных членов партии меньшевиков С.Г. Каплуна и Д.Ю. Далина. Петербургское издание «Конец Ренессанса» утрачено. Работа была переиздана в Берлине в 1923 г. в сборнике «София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии».

истории, которые привели к концу Ренессанса, к самоотрицанию гуманизма, к пустоте поверхностной и утеравшей центр жизни, к иссяканию творчества» [3, с. 119]. Ренессансный человек заблудился, а ренессансная культура – блудная заблудшая культура³, разорвавшая свою связь с духовным центром жизни, или, как в эти же годы будет говорить о. Павел Флоренский в своих лекциях, собранных в книгу «Философия культа», что культура, искусства, оторвавшиеся от сакрального центра, есть «выпавшие из гнезда или выскочившее звенья более серьезного и более творческого искусства – искусства богоделания – феургии» [9, с. 56–57].

Читатель «Конца Ренессанса», не знакомый со «Смыслом творчества» Бердяева, может сделать вывод о том, что мыслитель находится по одну сторону с такими непримиримыми критиками Ренессанса, как П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, ранний А.Ф. Лосев. И что он нападает на ренессансный гуманизм даже почище последних. Однако это будет неверно: отношение Бердяева к эпохе сложное: он восхищается духовными завоеваниями раннего Ренессанса XIV в., он влюблен в раздвоенных творцов кватроченто, глубоко переживает неудачу ренессансного почина, великую неудачу человеческого свободного творчества, и он так же, как вышеуказанные мыслители, делает акцент на утрате высшей религиозной основы культуры в эпоху Возрождения⁴. Во взглядах на Ренессанс, особенно на ренессансный гуманизм и его последствия, мы действительно найдем нечто общее у Бердяева и Флоренского. Различие же состоит, пожалуй, вот в чем: Бердяев смотрит на Ренессанс не как на книжную эпоху, локализованную между Средневековьем и Новым временем, а как на длящийся разноликий период, наполненный жизнью, стремлениями, борениями, тесно связанный со всем предшествующим развитием как античной, так и христианской культуры. «Весь Ренессанс, основанный на бурном столкновении языческих и христианских начал человеческой природы, как вечных начал, имманентных и трансцендентных, был необычайно сложен», – утверждает Бердяев [3, с. 105].

³ Эпитет «блудный» по отношению к Ренессансу Бердяев не употребляет, его использует о. Павел Флоренский для характеристики эпохи Возрождения и творчества отдельных ее представителей [8, с. 269], однако интенция, лежащая в основе подобного наименования, равно проявляет себя и у Бердяева.

⁴ Неправда, что свободное творчество само по себе для Бердяева несомненно важнее, чем связь с высшим божественным началом. Он неоднократно подчеркивает следующую мысль: «Для того, чтобы человек до конца утвердил себя и не потерял источника и цели своего творчества, он должен утверждать не только себя, но Бога. Он должен утверждать в себе образ Божий [3, с. 120].

«Конец Ренессанса», по сути, является продолжением «Смысла творчества», и читать эти работы стоит в хронологическом порядке. Все три работы – «Смысл творчества», «Конец Ренессанса» и «Смысл истории» – последовательно раскрывают бердяевскую ренессансную концепцию, взаимодополняя друг друга. По сути, целое десятилетие с 1912 (время пребывания Бердяева в длительной командировке в Италии) до 1922 г. (выход «Смысла истории», работа над текстом «Новое Средневековье», который венчает собой историософские размышления Бердяева над эпохами Средневековья и Ренессанса) Бердяев прорабатывает свою ренессансную концепцию, уточняя и углубляя ее.

Уже в «Смысле творчества» Бердяев опровергает мнение о том, что вся ренессансная эпоха окрашена в единый цвет. Такой единой она была, скажем, для отца П. Флоренского, историософия которого базируется на выделении двух ритмически сменяющих друг друга типов культур: целостной, органичной и соборной средневековой и блудной, раздробленной и поверхностной возрожденской⁵. Бердяев же предлагает смотреть на итальянский Ренессанс как на сложное явление, разделяя его на несколько периодов: проторенессанс (философ называет этот период «мистическая Италия» и считает его «истоком раннего Возрождения и вообще высшей точкой всей западной истории» [4, с. 223]); затем треченто, которое «окрашено в христианский цвет» [4, с. 223]; кватроченто – время «противоборства языческих и христианских стихий в человеке» [4, с. 224] и, наконец, высокое Возрождение чинквеченто – «начало упадка, омертвения духа» [4, с. 226]. Если образно выразить ход итальянского Ренессанса в исторических фигурах, то это будут Данте – Боттичелли – Рафаэль.

Важно подчеркнуть также то, что Бердяев не разрывает эпохи Средневековья и Возрождения, наоборот, он подчеркивает взаимосвязь средневековой христианской культуры и итальянского Возрождения. Творческий расцвет эпохи Ренессанса в принципе был возможен, согласно Бердяеву, лишь потому, что он был подготовлен аскетическим Средневековьем – периодом внутреннего сосредоточения духовных человеческих сил. Ранний христианский Ренессанс для философа – вершина, самый высокий результат, которого смогла достигнуть западноевропейская культура. «Раннее итальянское Возрождение было христианским возрождением. Св. Доминик и св. Франциск, Иоаким из Флоры и Фома Аквинат, Данте и Джотто – это уже настоящий Ренессанс, возрождение человеческого духа, человеческого творчества, не утерявшего связи с античностью. В эпоху Ренессанса, средневекового и христианского, было уже творческое отношение к природе, к человеческой мысли, к искусству, ко всей жизни. Ранний Ренессанс в

⁵ Признаки культуры средневекового и возрожденческого типа Флоренский дает в многочисленных работах: «Автореферате (1925/26)», «Обратной перспективе», «Философии культа».

Италии – треченто – величайшая эпоха европейской истории, высшая точка подъема. Тогда поднимавшиеся творческие силы человека были как бы ответным откровением человека на откровение Божие» [1, с. 25]. Но кватроченто свернуло с пути, намеченного ранним итальянским Ренессансом и подлинным христианским гуманизмом, последний стал вырождаться в свою противоположность, оборотившись против человека, чаемый выход за пределы дихотомии имманентное–трансцендентное не происходит, искусство не становится подлинно теургическим. В этом «великая неудача Ренессанса» и начало его конца.

«Самоистребляющая диалектика гуманизма»

Николай Александрович эксплицитно не дает своего определения «гуманизма», но, судя по всему, он находится в поле понимания данного термина классиком исследований эпохи Возрождения и популяризатором термина «Ренессанс» Якобом Буркхардом, книга которого *«Культура Италии в эпоху Возрождения»* в 1904 г. увидела свет на русском языке. Буркхард зачастую понимает «гуманизм» двойственно. С одной стороны, подразумевается, что новое интеллектуальное течение было полноценной философией, которая «освободила» человека от оков средневековых суеверий и религиозных догм и открыла новые подходы к осмыслению личности и ее места в системе мироздания. С другой – гуманистическая ученость способствовала возрождению, казалось бы, потерянного античного наследия. У Бердяева находим похожее отношение к «гуманизму»: он много говорит про обращение к античности как про одну из ключевых черт эпохи⁶.

⁶ Надо сказать, что Николай Александрович решительно отмечает упрощенный взгляд на Ренессанс как на Возрождение Античности в смысле реставрации язычества. «Но ошибочно было бы думать, – утверждает Бердяев, – что итальянское Возрождение было языческим, стало под знак возрождения язычества. Этот упрощенный взгляд оставлен культурными историками. В творческом подъеме Возрождения совершилось небывалое еще по силе столкновение языческих и христианских начал человеческой природы. В этом – мировое и вечное значение Возрождения <...> Античность со своими идеалами имманентной завершенности никогда не могла быть восстановлена, потому что окончательная реставрация какой-нибудь предшествующей мировой эпохи вообще невозможна» [4, с. 222]. Или вот такое высказывание философа: «В эпоху Ренессанса произошло не простое повторение, не простой возврат к античному творчеству, а произошло своеобразное преломление античных форм в новом духе, в новом содержании, изменившее все результаты. В конце концов, сходство между античным и ренессансным преувеличено. Совершенства античного в искусстве Ренессанса нет, так как вообще никогда ничто не повторяется. Платонизм эпохи Возрождения очень мало походит на античный платонизм. Как в области искусства, так и в области создания искусственных форм государственности, в которых не повторяется ничего похожего на формы античные. Это – обман внешнего сходства, в действительности же вся творческая культура эпохи Возрождения гораздо менее совершенна, чем творческая культура периода расцвета эллинской культуры, никогда, быть может, не превзойденная в человеческой истории и вместе с тем гораздо более богатая своими исканиями и гораздо более сложная, чем более простая и целостная культура греческая» [3, с. 107].

Николай Александрович полагает, что «всякое возрождение есть возвращение к греческим источникам культуры» [3, с. 100], потому что создание Царства Божьего в величайшей красоте непременно требует совершенной формы, которая не осуществима без античных основ мысли, искусства, государственности. Весьма вероятно, что именно эта мысль посещала и критика эпохи Возрождения о. Павла Флоренского, с великим удовольствием созерцавшего на стенах своей комнаты репродукции памятников ренессансного искусства, привезенных ему его другом В.Ф. Эрном из Италии. Николай Александрович в целом, как мне представляется, проговорил за русский религиозно-философский ренессанс те мысли, которые эта эпоха и ее представители часто выражали подспудно или символически, а именно: итальянский Ренессанс (несмотря на то, а может быть, и именно потому, что русская культура не знала Ренессанса) стал родным для русских авторов, стал своеобразным золотым веком, которому желали подражать, возвращая, как потом скажет В.В. Бибихин, «ренессансное настроение» [5, с. 33–34], подобно ренессансным творцам, деятели русского *fin de siècle* пытались вместить все достижения предшествующей культуры и понести их дальше (и античная греческая культура здесь была одной из ключевых).

Возвращаясь к пониманию Бердяевым гуманизма, стоит отметить, что он, как и Буркхард, понимает гуманизм и как всеобъемлющую духовную основу: «Гуманизм же был не только возрождением античности, – пишет Бердяев, – не только новой моралью и движением наук и искусств, но также новым чувством жизни и новым отношением к миру, зародившимся на заре новой истории и определившим эту историю» [1, с. 22]. И вот именно философия Ренессанса, эта духовная основа, гуманистическое чувство жизни и отношение к миру подходит, по Бердяеву, к концу, исчерпывает себя. Анализу терминальной стадии Ренессанса Бердяев посвящает работу «Конец Ренессанса». Работа же «Смысл истории» разворачивает перед читателем масштабную ренессансную эпопею (от XIII в. вплоть до 1920-х гг. XX в.) и сложную «самоистребляющую ренессансную диалектику» [3, с. 109] с выходом на эсхатологические просторы по ту сторону земной истории.

Бердяев различает христианский гуманизм «раннего Ренессанса мистической Италии, в начале которого заложены пророчества Иохима из Флориды, святость Франциска Ассизского, гениальность Данте» [3, с. 100], и гуманизм антихристианский, который все больше проявлял себя по мере истощения духа раннего христианского ренессанса и продвижения к так называемому высокому Возрождению.

Христианский Ренессанс, эпоха Джотто и Данте, является идеалом для Бердяева, это был тот короткий, но вершинный момент истории, когда осуществилось максимальное приближение к «абсолютной головокружительной истине о человеке» [4, с. 78]. Это был притвор новой творческой эпохи, эпохи Духа, попытка проникновения в тайну антропологического

откровения и раскрытия христологического измерения человека, завершившаяся неудачей.

Во взглядах Бердяева на ренессансный гуманизм проглядывает точка зрения Фридриха Ницше, последнему свойственна романтизирующая эпоху концепция итальянского Ренессанса как периода небывалой духовной творческой мощи человека. Только у Ницше Ренессанс связан с появлением нового типа человека, а для Бердяева не менее, чем человек как свободный творец, важна связка Бога и человека, их свободный союз, стремление последнего в трансцендентные дали через земное совершенство.

В системе координат Бердяева гуманизм представляется христианским, когда он, давая свободу личности, при этом не отрывает ее от духовного ядра жизни, и антихристианским – когда подлинно духовное вытесняется на периферию. В длинной ренессансной эпохе, начавшейся еще на излете Средневековья, по Бердяеву, действуют в разных пропорциях два указанных типа гуманизма – христианский и антихристианский.

Надо подчеркнуть, что в ренессансном гуманизме важны две компоненты – христианство и Античность, важен их баланс. При этом именно подлинному христианскому ренессансу (раннему итальянскому Ренессансу) этот баланс был под силу на краткий исторический вершинный миг. Античность всегда была для Италии своим, домашним делом, поэтому она, освещенная и просвещенная светом Христовой благодати, органично сосуществовала с христианством. Деятели Ренессанса как бы с новой силой продолжили еще средневековый порыв: «приставлять христианскую голову к античному торсу», как выразился современник Бердяева, блестящий знаток средневековой и ренессансной культуры Владимир Забугин⁷.

В вышеуказанном обязательном наличии в Ренессансе двух начал – христианского и классического – и заложена, по Бердяеву, «самоистребляющая диалектика» т. к. органично они не могли сосуществовать, постепенно формируя раздвоенность⁸ в ренессансных творцах. Бердяев пишет:

⁷ Два мыслителя не были знакомы, однако некоторые мысли Бердяева о Ренессансе (о невозможности языческого ренессанса, о важности христианской компоненты для эпохи) конгениальны идеям, выраженным Забугиным в его известной италоязычной работе «История христианского Возрождения в Италии» [10].

⁸ У А.Ф. Лосева в «Эстетике Возрождения» находим похожие идеи, он пишет о глубинном противоречии ренессансной эстетики, разрывающейся между конечным и бесконечным, небесным и земным. Судя по всему, Лосев был знаком с бердяевскими идеями, но ни одной ссылки на работы высланного из России философа в «Эстетике Возрождения» мы не находим. Лосев пишет: «Эстетика Ренессанса чрезвычайно многомерна и многопланова. И эта многомерность обнаруживается прежде всего в огромном напряжении индивидуального человеческого самочувствия и в то же самое время в его безвыходности и трагизме, как раз и возникавших на путях проникновенного изображения стихийно-человеческого самоутверждения <...> Стихийно утверждающий себя человеческий субъект в эпоху Ренессанса еще не потерял разумной ориентировки, еще понимал свою беспомощность перед громадой бесконечной жизни и космоса и еще не потерял чувства меры, т. е. чувства своей фактической ограниченности. В этом и

«Для этого мира неизбежно искание совершенных форм и обращение к античным формам, но так же неизбежно и глубочайшее разочарование в осуществимости этих форм здесь. Имманентное осуществление совершенства в культурном творчестве невозможно в христианский период истории» [3, с. 107].

С ходом времени христианский гуманизм постепенно ослабевает, в нем иссякает христианское начало: из ядра оно постепенно уходит на периферию, т. к. человек не может постоянно находится в колоссальном напряжении между трансцендентным и имманентным (одной из фигур, могущих сохранять подобное напряжение в своем творчестве, Бердяев считает Боттичелли). Античное, природное начало на некоторое время берет верх: побеждает стремление к пустым совершенным формам, к природному. Ренессансный гуманизм вырождается в антихристианский, когда «перестал утверждать небесную родину и начал утверждать исключительно его (человека. — *О.К.*) земную родину и земное происхождение» [3, с. 109]. Человек, которого ренессансный гуманизм изначально возносил, таким образом принижается, так как перестает считаться существом высшего божественного происхождения, связь с Абсолютом разрывается, а сам человек замыкается в чисто земных пределах, теряется сыновство Богу. Бердяев так описывает эту гуманистическую диалектику: «Диалектика эта заключается в том, что *самоутверждение человека ведет к самоистреблению человека, раскрытие свободной игры сил человека, не связанного с высшей целью, ведет к иссяканию творческих сил*. Страстное стремление к созданию красоты и совершенства форм, с которого начался ренессансный период истории, ведет к разрушению и ослаблению совершенства форм» [3, с. 110].

Постепенно и античная компонента истощается, уже Реформация, по замечанию Бердяева, была «враждебна эллинским истокам христианства» [3, с. 112]. А дальше – просвещение XVIII в. с его подрывом разума, уединением человека от мироздания, Великая французская революция, осуществившая тиранию и поругание человека, социализм как ответ на неисполнение французской революцией своих обещаний освобождения человека [3, с. 112–113]. Социализм, согласно Бердяеву, является своеобразной «альфой и омегой» земной истории: точкой, где сходятся конец Ренессанса и начало нового Средневековья. Социализм – венец свободного испытания человеческой личности, личность распадается, теряет свой лик, поглощаемая коллективом и машиной. Однако в социализме, особенно в его большевистском изводе (об этом Бердяев будет писать уже в «Новом Средневековье»),

заключается вся юная прелесть возрожденческой эстетики. И если мы в дальнейшем будем находить черты трагизма у Боттичелли или Микеланджело, черты отчаяния и бессилия у могучего Леонардо и в маньеризме черты колоссального порыва вырваться за пределы всего успокоенного, всего гармоничного и благоприличного, то это только очень хорошо» [7, с. 63–65].

явственно ощутима религиозность, пусть и темная, поэтому в своей сути это явление, открывающее притвор в еще не бывалое другое Средневековье.

«Ренессанс начался с утверждения творческой человеческой индивидуальности. Он кончился отрицанием творческой человеческой индивидуальности. Человек без Бога перестает быть человеком – в этом религиозный смысл внутренней диалектики новой истории, истории расцвета и гибели гуманистических иллюзий» [1, с. 41], – подытоживает Бердяев.

По ту сторону земной истории

В «Смысле истории» Бердяев раскрывает метафизику хода земного бытия, каждая эпоха плавно перетекает в другую, выполняя свои задачи: не те, что она сама считает «своими» (вроде замысла земной теократии средневековой эпохой), но те, что ей уготованы Творцом, ведущим человека через перипетии земной истории к пакибытию. Ренессанс в рамках подобной логики был необходимым этапом раскрытия человеческой свободы, испытания этой свободой. «Человек, – пишет Бердяев, – должен был пройти через свободу и в свободе принять Бога. В этом – смысл гуманизма» [1, с. 31].

Ренессанс для Бердяева – «великая неудача», но вместе с тем он дорог философу свободы и творчества, философу, задумавшему создать антроподицею, тем, что это была единственная в истории попытка человека дать творческий ответ Творцу. Ренессанс для Бердяева – не просто прошедшая эпоха, прошлое истории, но вечно пребывающий урок, указание на возможность повторного завоевания вершины, взятой ранним итальянским Ренессансом. Ренессанс – это и прошлое, и настоящее, и будущее истории не только потому, что это, по Бердяеву, длинная эпоха, конец которой переживается в социализме. Вневременность Ренессанса у Бердяева, как мне представляется, связана с его пониманием метафизики истории в целом. Приведу следующую важную цитату из «Смысла истории»: «Метафизика истории должна признать прочность исторического, признать, что историческая действительность, та действительность, которую мы считаем прошлым, есть действительность подлинная и пребывающая, не исчезнувшая, не умершая, а вошедшая в какую-то вечную действительность; она является внутренним моментом, внутренним периодом этой вечной действительности, отнесенной нами к прошлому, которое нами непосредственно не воспринимается, как воспринимается настоящее только в силу того, что мы живем в испорченном, больном времени, во времени разорванном, что это есть не что иное, как отражение разорванности нашего бытия, не вмещающего цельности. Мы можем жить в историческом прошлом, как мы живем в историческом настоящем и как уповаем, что будем жить в историческом будущем. Есть какая-то целостная жизнь, которая совмещает три момента времени – прошлое, настоящее и будущее в едином целостном всеединстве, поэтому историческая действительность, отошедшая в прошлое, не есть умершая историческая действительность; не менее реальна она, чем та, которая

свершается в данное мгновение, или та, которая будет свершаться в будущем и которую мы тоже не воспринимаем, а на которую лишь уповаем, которую ожидаем. Прошлое остается, пребывает, и зависит от разорванности и ограниченности нашего человеческого бытия, от того, что мы не живем в этом целостном прошлом, что мы отрезаны от него, что мы замкнуты в мгновении настоящего, – между прошлым и будущим, и воспринимаем это прошлое как отошедшее. Оно есть вечная действительность. Прошлое с своими историческими эпохами есть вечная действительность, в которой каждый из нас, в глубине своего духовного опыта, преодолевает болезненную разорванность своего бытия» [3, с. 56–57]. Это ощущение связанности времен, вечного пребывания прошлого в настоящем и понимания будущего как такого времени, в котором вернется прошлое, но в новом виде (новое Средневековье, новый Ренессанс, которые подхватят внутренний настрой предшествующих эпох)⁹, очень важны и характерны для историософии Бердяева.

От концепта «конца Ренессанса» Бердяев историософски переходит к «Новому Средневековью» и «новому Ренессансу». В работе «Смысл истории» он пишет: «Гуманистической Европе наступает конец, начинается возврат к Средневековью. Мы вступаем в ночь нового Средневековья» [3, с. 138–139]. А в «Конце Ренессанса» находим следующие строки: «Ни к какому новому Ренессансу нельзя прийти после истощения и растраты духовных сил человека, после блужданий по пустыням бытия, после потрясений самого образа человека. Если уж проводить аналогию, то мы приближаемся не к Ренессансу, а к темному началу средневековья и должны будем пережить и новое цивилизованное варварство, и новую религиозно-аскетическую дисциплину, прежде чем забрезжит заря нового, неведомого еще Ренессанса» [1, с. 30].

Судя по всему, сам философ колеблется между земной осуществимостью этого нового Ренессанса, между желанием подойти к осуществлению предельных задач человека в рамках земной истории и осознанием того, что «высшее призвание человека и человечества – сверхисторично, что возможно лишь сверхисторическое разрешение всех основных противоречий истории» [3, с. 143]. Ренессанс в своей предельной осуществленности скорее возможен, по Бердяеву, именно за пределами истории: «Трагизм творчества, его неудача – последнее поучение великой эпохи Возрождения. В великой неудаче Возрождения – его величие. Абсолютная завершенность и совершенство для христианского мира лежит в трансцендентной дали» [4, с. 227].

⁹ У Библихина находим схожее отношение ко времени, к истории, к прошлому: «Ренессанс в своем существе не склеивание прошлого из остатков, а искание настоящего. Настоящим оказывается то будущее, в котором настает древнее. Оно возвращается впервые, потому что было оно без того, чтобы вместить все настоящее. Древности прошлого как настоящего еще не было, она будет» [5, с. 37].

Эту эсхатологическую настроенность Бердяева замечательно уловил Бибихин, ссылающийся на «Смысл истории» Бердяева в «Новом Ренессансе». Он критикует понимание задач Ренессанса Бердяевым и пишет следующее: «Николай Бердяев называет “провал Ренессанса” (т. е., в его понимании, творческого индивидуализма) “священной неудачей истории”, учащей, что высшее призвание человека сверх-исторично и не осуществляется в этом мире. С такой позиции создания истории человеческое тело, природа лишь декорации в трагедии духа, которые пойдут в костер после конца представления. Ренессанс с его этикой любви к бытию, участия к природе как хрупкому сокровищу, ответственности за историю ставит перед человеком более захватывающие и сложные задачи, чем духовность средневекового типа, которая в кризисной ситуации легко оставляет мир» [5, с. 173]. Кажется, что Бердяев, напротив, считает достижения Ренессанса не «декорациями», но необходимыми вечно пребывающими уроками. Однако вершинными завоеваниями Ренессанса для него являются действительно те, в которых творец ставит себе цель за пределами этого мира. Здесь уместно привести воспоминания Е.К. Герцык, которая счастливым образом явилась свидетелем того эффекта, который производило на Бердяева искусство ренессансной эпохи: «Как же властно над ним искусство! Флоренция мне ключ к нему. Он – к Флоренции. Но я изнемогла от усталости, от впечатлений. Домой! Еще десять минут, упрасивает он, сердится он и влечет меня прочь из Уффици узкими улочками, где едва разминуться с медленно пробирающимся трамваем, в церковь, в Бадию; не давая мне окинуть ее взглядом, к одной, одной только Филиппиниевской фреске: явление Богоматери св. Бернарду. Женский хрупкий профиль. Но он торопит меня смотреть на ее руку: так глубоко прорезаны пальцы, так тонки, что кажется, сохраняя всю красоту земной формы, рука эта уж один дух, уже не плоть. И восторг в глазах Бердяева выдает мне его тайну – ненависть к плоти, надежду, что она рассыплется вся (аминь, аминь, рассыпья...)» [6, с. 434–437].

Верит ли Бердяев, что новый Ренессанс возможен в земной истории, что явится Данте новой эпохи? В это, вероятно, он верил и даже считал, что задачу нового христианского ренессанса может осуществить Россия [1, с. 46]. Бердяев, очарованный ранним итальянским ренессансом, желает его повторения в земной истории. Ренессанс для него – эпоха, дерзающая подойти к раскрытию антропологической тайны, что неосуществимо в земной истории, но осуществима «христианская работа над человеческим образом», которая, по Бердяеву, должна продолжаться до конца земных времен. «Смысл истории» заканчивается как раз оптимистичным указанием на необходимость продолжения этой работы (стремлению к завоеванию оставленных высот дух). Подводя итоги новой истории, итоги конца Ренессанса, философ пишет: «Так кончается новая история и начинается какая-то другая история, которую я, по аналогии, назвал новым Средневековьем; в ней человек вновь должен связать себя, чтобы собрать себя, вновь должен

подчинить себя высшему, чтобы не окончательно погубить себя. Для того чтобы человеческая личность вновь обрела себя, чтобы та христианская работа над человеческим образом, которая составляет существенный момент в судьбе человека во всемирной истории, продолжалась и дальше, для этого необходим возврат, по-новому, к некоторым элементам средневекового аскетизма. То, что Средние века переживали трансцендентно, должно быть пережито имманентно. Работа свободного самоограничения человека, свободной дисциплины, волевого подчинения себя сверхчеловеческой святине, может предотвратить окончательное истощение творческих сил человека, она приведет к накоплению новых творческих сил и сделает возможным новый христианский Ренессанс, который для избранной части человечества наступит лишь на почве укрепления человеческой личности» [3, с. 141].

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Конец Ренессанса (к современному кризису культуры) // София: Проблемы духовной культуры и религиозной философии. Берлин: Обелиск, 1923. С. 21–46.
2. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Эксмо, 2008. 640 с.
3. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 174 с.
4. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.: Академический проект, 2024. 346 с.
5. Биbihин В.В. Новый Ренессанс. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 496 с.
6. Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Флоренции. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2016. 640 с.
7. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. 623 с.
8. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Гаудеамус: Академический проект, 2012. 904 с.
9. Флоренский П.А. Философия культа (Опыт православной антропологии). М.: Академический проект, 2014. 685 с.
10. Zabughin V. Storia del Rinascimento Cristiano in Italia. Milano: Treves, 1924. 376 p.

CHRISTIAN AND ANTI-CHRISTIAN RENAISSANCE OF NIKOLAI BERDYAYEV¹⁰

O.I. Kusenko

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow
Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky,
Saint Petersburg

¹⁰ The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-00748, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00748/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky

N.A. Berdyaev rejects the opinion that the entire Renaissance era is painted in a single color and suggests looking at the Italian Renaissance as a complex phenomenon, dividing it into several periods. In addition, the Renaissance period of history, according to Berdyaev, goes far beyond the Renaissance in the generally accepted sense. «The end of the Renaissance» comes for the philosopher at the beginning of the 20th century, when Christian humanism finally turns into its extreme anti-Christian opposite, the features of the human are blurred, the person himself, the individual, is lost in the collective and among machines. Berdyaev's Renaissance concept, which he worked on for a whole decade from 1912 to 1922, is consistently revealed in three works: «The Meaning of Creativity», «The End of the Renaissance» and «The Meaning of History». The focus of this article will be on the analysis of Berdyaev's ideas about Renaissance humanism in the above-mentioned texts.

Keywords: *N.A. Berdyaev, Renaissance studies, Italian Renaissance, Renaissance humanism, Philosophy of history.*

Об авторе:

КУСЕНКО Ольга Игоревна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора истории западной философии ФГБУН Институт философии РАН, г. Москва; научный сотрудник Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского, г. Санкт-Петербург. E-mail: isafi137@gmail.com

Author information:

KUSENKO Olga Igorevna – PhD, Senior Research Fellow at the Department of Western Philosophy of Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow; Research Fellow at Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky, Saint Petersburg. E-mail: isafi137@gmail.com.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.06.2025.

Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2025.